

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.35:364.22:330.567

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-6-174-189>**Бедность и социально-экономическое неравенство
в контексте экономического роста: эмпирический
анализ и стратегии регулирования****М. Л. Дорофеев¹** ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
пр-т Ленинградский, д. 49/2, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Рост бедности и социально-экономического неравенства остаётся одной из ключевых угроз устойчивому развитию мировой экономики. Глобальные кризисы последнего десятилетия – пандемия COVID-19, инфляционные шоки и геополитическая нестабильность – усилили социальные дисбалансы, обострив проблему справедливого распределения ресурсов. В этих условиях возрастает актуальность поиска эффективных инструментов государственной фискальной политики, позволяющих одновременно стимулировать экономический рост и снижать социальное неравенство.

Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязей между бедностью, социально-экономическим неравенством и экономическим ростом, а также в определении направлений совершенствования фискальной политики России с учетом международного опыта.

Задачи. Для достижения цели решаются задачи анализа динамики бедности и неравенства в странах с различным уровнем развития, оценки влияния налогового-бюджетных инструментов на их снижение и выявления институциональных факторов, определяющих эффективность государственной финансовой политики.

Методология. Эмпирическая база исследования сформирована на основе статистических данных Всемирного банка, ОЭСР, WID, Росстата и Национального бюро статистики Китая за 2016–2022 гг. Используются методы сравнительного анализа, регрессионного моделирования, корреляционного и графического анализа, а также визуализация результатов в виде точечных графиков и тепловых карт.

Результаты исследования подтверждают, что перераспределительные механизмы фискальной политики оказывают значимое влияние на сокращение бедности, но их воздействие на уровень социально-экономического неравенства зависит от структуры расходов и качества экономических институтов.

Выводы. На основе комплексных взаимосвязей между бедностью, неравенством и экономическим ростом с учетом международного опыта и национальной специфики России рекомендуется повышение эффективности и адресности социальных выплат, развитие прогрессивных элементов налоговой системы для преодоления избыточного имущественного неравенства, расширение инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: бедность; социально-экономическое неравенство; экономический рост; государственное финансовое регулирование; социальные расходы, инвестиции в человеческий капитал.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Дорофеев М. Л. Бедность и социально-экономическое неравенство в контексте экономического роста: эмпирический анализ и стратегии регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 6. С. 174–189. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-6-174-189>

Поступила в редакцию 16.10.2025

Принята к публикации 15.11.2025

Опубликована 30.12.2025

© Дорофеев М. Л., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(6):174–189

Poverty and socio-economic inequality in the context of economic growth: empirical analysis and regulation strategies

Mikhail L. Dorofeev¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: dorofeevml@yandex.ru

Abstract

Relevance. The growth of poverty and socio-economic inequality remains one of the key threats to the sustainable development of the global economy. Global crises of the last decade – the COVID-19 pandemic, inflationary shocks, and geopolitical instability – have intensified social imbalances, exacerbating the problem of equitable resource distribution. Under these conditions, the relevance of searching for effective tools of state fiscal policy increases, enabling the simultaneous stimulation of economic growth and reduction of social inequality.

The purpose of the study is to identify the interlinkages between poverty, socio-economic inequality, and economic growth, as well as to determine directions for improving Russia's fiscal policy taking into account international experience.

Objectives. To achieve this purpose, the following tasks are addressed: analyzing the dynamics of poverty and inequality in countries with different levels of development, assessing the impact of tax-budget instruments on their reduction, and identifying institutional factors that determine the effectiveness of state financial policy.

Methodology. The empirical base of the study is formed on the basis of statistical data from the World Bank, OECD, WID, Rosstat, and the National Bureau of Statistics of China for 2016–2022. Methods of comparative analysis, regression modeling, correlation and graphical analysis, as well as visualization of results in the form of scatter plots and heat maps, were used.

Results. The research results confirm that redistributive mechanisms of fiscal policy have a significant impact on poverty reduction, but their effect on the level of socio-economic inequality depends on the structure of expenditures and the quality of economic institutions.

Conclusions. Based on the comprehensive interlinkages between poverty, inequality, and economic growth, taking into account international experience and the national specifics of Russia, it is recommended to enhance the efficiency and targeting of social payments, develop progressive elements of the tax system to overcome excessive asset inequality, and expand investments in human capital.

Keywords: poverty; socio-economic inequality; economic growth; public financial regulation; social spending; investment in human capital.

Funding: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Dorofeev M.L. Poverty and socio-economic inequality in the context of economic growth: empirical analysis and regulation strategies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(6):174–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-6-174-189>

Received 16.10.2025

Accepted 15.11.2025

Published 30.12.2025

Введение

Современное развитие мировой экономики сопровождается ростом социально-экономических дисбалансов, выражающихся в сохраняющемся высоком уровне бедности и социально-экономического неравенства (СЭН). Несмотря на значительные успехи в сокращении крайней бедности за последние деся-

тилетия, достигнутые в первую очередь за счет ускоренного экономического роста в странах Азии и Латинской Америки, глобальные кризисы последнего десятилетия – пандемия COVID-19, геополитические конфликты, энергетический переход и инфляционные шоки – привели к замедлению темпов прогресса и усилению рисков для социальной стабильно-

сти. В этих условиях возрастает значение государственной фискальной политики и инструментов финансового регулирования, обеспечивающих баланс между стимулированием экономического роста и поддержанием социальной справедливости.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, бедность и социально-экономическое неравенство оказывают прямое влияние на качество человеческого капитала, уровень социальной стабильности и перспективы устойчивого экономического развития. Наличие высокого уровня СЭН ограничивает возможности формирования «среднего класса», снижает инвестиционную активность и порождает институциональные риски. Во-вторых, в условиях усиления фискальной нагрузки и бюджетных ограничений особое значение приобретает эффективность использования государственных финансовых ресурсов [1]. При этом необходимо учитывать, что механическое наращивание социальных расходов [2] без учета качества институтов и структуры налогово-бюджетной системы может приводить к снижению результативности мер финансового перераспределения [3]. В-третьих, для России проблема сокращения бедности и неравенства имеет стратегический характер [4], что закреплено в национальных целях развития до 2030 г. При этом сохраняется разрыв между целевыми ориентирами и фактической динамикой показателей: несмотря на программные меры, наблюдается рост концентрации доходов в верхних децилях распределения и недостаточный эффект от адресных социальных трансфертов.

Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязей между бедностью, социально-экономическим неравенством и экономическим ростом, а также в определении направлений совершенствования государственной фискальной политики с учетом международного опыта и национальных особенностей.

Для достижения цели в работе решаются следующие задачи: провести обзор современной научной литературы о влиянии фискальной политики на бедность и социально-экономическое неравенство; проанализировать динамику бедности и СЭН в странах ОЭСР, России и Китае с использованием унифицированных показателей и международных линий бедности; выявить институциональные и макроэкономические факторы, влияющие на эффективность мер государственного финансового регулирования; оценить зависимость между объемами финансирования социальной защиты и уровнем социально-экономического неравенства; сформулировать практические рекомендации для российской фискальной политики в контексте достижения национальных целей развития до 2030 г.

Большинство эмпирических исследований подтверждают, что налоги и государственные расходы способны существенно снизить доходное неравенство и уровень бедности [5]. Так, Granger et al. [6] показывают, что в странах с высоким уровнем дохода фискальная политика может сократить уровень доходного неравенства до 40%, а Institute for Fiscal Studies [7] фиксируют снижение коэффициента доходного Джини на 0,09 (около 30%). Lustig et al. (2020) [8] и Rossignolo [9] демонстрируют эффективность прямых налогов и трансфертов в сокращении бедности на 12–78%, тогда как косвенные налоги и субсидии часто оказываются менее эффективными или даже регрессивными, что негативно сказывается на динамике бедности, а также может снижать эффективность общей финансово-перераспределительной конструкции, нацеленной на сокращение социально-экономического неравенства.

Адресные социальные трансферты и прогрессивные подоходные налоги выделяются как ключевые инструменты снижения бедности, особенно в странах с низким доходом и высоким уровнем неформальной занятости [10; 11]. Pacheco-

Jaramillo & Malliaros [12] демонстрируют, что ваучерные системы могут быть более эффективными, чем традиционные налоги и субсидии. Ваучеры¹ действуют как инструмент стимулирования спроса со стороны фискальной политики, когда государство выдает ваучер низкодоходным группам для оплаты товаров или услуг, что напрямую повышает доступ к базовым экономическим благам без сильных негативных стимулов (например, снижения трудовой активности). Ваучеры предотвращают траты на нецелевые цели, обеспечивая, что ресурсы используются именно для снижения доходного неравенства, например, через условные трансферты, связанные с посещением школы или медицинскими осмотрами.

Многочисленные научные исследования подтверждают значимость инвестиций в образование и здравоохранение для сокращения уровня социально-экономического неравенства, сокращения бедности и повышения среднего уровня социального благополучия. Adu & Odhiambo [12] отмечают, что расходы на образование ежегодно снижают имущественное неравенство на 1–2%. Kim [13] пишет, что увеличение социальных расходов снижает общую смертность на 3% и смертность от ишемической болезни сердца на 1,6%, особенно среди низкодоходных групп, подчеркивая важность фактора расходов на здравоохранение как канала воздействия на уровень социально-экономического неравенства. Ulu [14] пишет, что рост социальных расходов на 1% ВВП уменьшает коэффициент доходного Джини на 0,0015%.

Ряд исследований подчеркивает влияние институциональных факторов, эконо-

мического роста и демографии на эффективность фискальной политики, хотя сам по себе фактор в научной литературе в разных смежных исследованиях дает достаточно неоднозначные и противоречивые результаты. Musibau et al. [15] в своей работе показывают, что институциональные факторы снижают уровень доходного неравенства на 20–30%, тогда как урбанизация и экономический рост его усиливают. Anjarwi [16] отмечает, что фискальная децентрализация снижает негативное влияние налогового бремени на бедность.

К общим тенденциям и выводам обзора эмпирической литературы по теме влияния и взаимосвязей бедности и неравенства на экономический рост, а также путей их преодоления можно отнести следующее:

1. Прямые налоги и адресные трансферты являются наиболее эффективными инструментами сокращения неравенства и бедности.

2. Косвенные налоги и субсидии часто оказываются менее эффективными или регрессивными.

3. Инвестиции в образование и здравоохранение оказывают значимое долгосрочное влияние на снижение доходного неравенства, бедности и улучшение социальных показателей, включая здоровье населения.

4. Институциональные факторы и экономическая структура определяют масштаб и эффективность фискальной политики: фискальная децентрализация, качество управления государственными финансами и уровень экономической открытости усиливают эффект финансового перераспределения.

5. Высокий уровень доходного неравенства и бедность тормозят экономический рост, что подчеркивает необходимость введения систем прогрессивного налогообложения и адресных социальных трансфертов (на потребление) и инвестиций (в социальную сферу в целом).

6. Методологические подходы показывают высокую гетерогенность резуль-

¹ В данной статье пишут именно про ваучеры как инструмент социальной поддержки населения. Аналогом из российской практики можно назвать продуктовые карточки или льготные сертификаты на получение социально значимых товаров, услуг или денежных выплат.

татов между странами и регионами, что требует адаптации фискальной политики к местным условиям.

Материалы и методы

Для эмпирического анализа взаимосвязей между бедностью, социально-экономическим неравенством и экономическим ростом были использованы вторичные данные из глобальных баз данных. Основной фокус исследования сосредоточен на странах ОЭСР с включением России и Китая для выявления гетерогенности эффектов в различных институциональных контекстах. Эмпирическая база исследования сформирована из ключевых баз ОЭСР [17] для оценки влияния бюджетных расходов на финансирование социальной защиты [18]. Использованы данные Всемирного банка, включая международные линии бедности и индикаторы валового внутреннего продукта на душу населения, инфляции из [19]. Для анализа имущественного неравенства и корреляций с доходным Джини использована Всемирная база данных о неравенстве [20].

Период исследования охватывает 2016–2022 гг. как основной, с расчетом средних значений для минимизации влияния годовых флуктуаций, а также ретроспективные расчеты за 1998–2007 гг. для оценки динамики до глобального финансового кризиса 2008 г.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, методы сравнительного анализа, регрессионного моделирования и графического представления данных.

Результаты и их обсуждение

Преодоление бедности и социально-экономического неравенства как основа социального благополучия: глобальный взгляд на проблему

Эмпирические данные подтверждают значительный прогресс в сокращении крайней бедности в период с 1990 г. по

2019 г. (extreme poverty, определяемой как доход ниже \$2,15 в день по паритету покупательной способности 2017 г.), особенно в развивающихся регионах Азии и Африки, что позволяет квалифицировать ее как «очень успешную» в историческом контексте [21].

Согласно данным Всемирного банка, доля населения, живущего в крайней бедности, сократилась с 38,8% (1,9 млрд чел.) в 1990 г. до 8,4% (689 млн чел.) в 2019 г. Этот прогресс обусловлен несколькими факторами: экономическим ростом в Китае и Индии (где бедность упала на 800 млн чел.); расширением доступа к образованию и здравоохранению, а также целевыми программами социальной защиты, такими как условные денежные трансферты населению [19]. Подчеркнем, что ключевым драйвером успеха стал глобальный экономический рост, достигший среднегодового уровня 3–4% в развивающихся экономиках, что позволило вывести из бедности около 1,2 млрд чел. за три десятилетия.

С другой стороны, недавние глобальные потрясения – пандемия COVID-19, геополитические конфликты и климатические изменения – привели к регрессу, замедлившему траекторию и сделавшему полную эрадикацию бедности к 2030 г. (в соответствии с Целью устойчивого развития ООН № 1, SDG 1) маловероятной. Это замедление прогресса обусловлено несколькими факторами: экономическим спадом в низкодходных странах (где ВВП на душу населения упал на 5–10%); ростом инфляции и доходного неравенства (коэффициент Джини вырос на 0,02–0,05 в 40% развивающихся экономик); изменениями на рынке труда и ростом неформальной занятости; реформами, связанными с климатической повесткой и зеленым энергетическим переходом. Анализ данных ОЭСР позволит более наглядно выявить ряд важных взаимосвязей между бедностью, неравенством и экономическим ростом.

Результаты анализа информационной базы исследования показывают, что страны ОЭСР с высокой фискальной нагрузкой (эффективные ставки персональных налогов и страховых взносов) демонстрируют значительное сокращение посленалогового неравенства, измеряемого индексом Джини. Подчеркнем, что наши данные согласуются с результатами предыдущих исследований [21] в виде проявления высокой гетерогенности взаимосвязей между налоговой ставкой и уровнем доходного Джини между странами (рис. 1).

Также этот эффект может быть объяснен различиями в моделях уплаты страховых взносов (распределение между работодателем и работником) и использованием налоговых поступлений для финансирования направлений, не связанных непосредственно с системой социальной защиты, что снижает эффект выравнивания доходов.

Увеличение фискальной нагрузки с низкой базы (5–10%) до среднего уровня (20–25%) способствует сокращению уровня посленалогового Джини. Однако при дальнейшем увеличении налогового бремени (выше 25% подоходного налога) индекс Джини становится менее эластичным к росту налоговой нагрузки. Эта нелинейность подчеркивает убывающую отдачу от роста налогового бремени, дополнительный прирост налогов не приводит к улучшению социально-экономических показателей, а запускает поведенческие искажения и модель уклонения от налогов в офшорах, неформальной занятости сокращению предложения труда, что сужает налоговую базу и снижает эффективность финансового перераспределения, что может быть усугублено низким качеством экономических институтов, например неэффективной системой налогового администрирования.

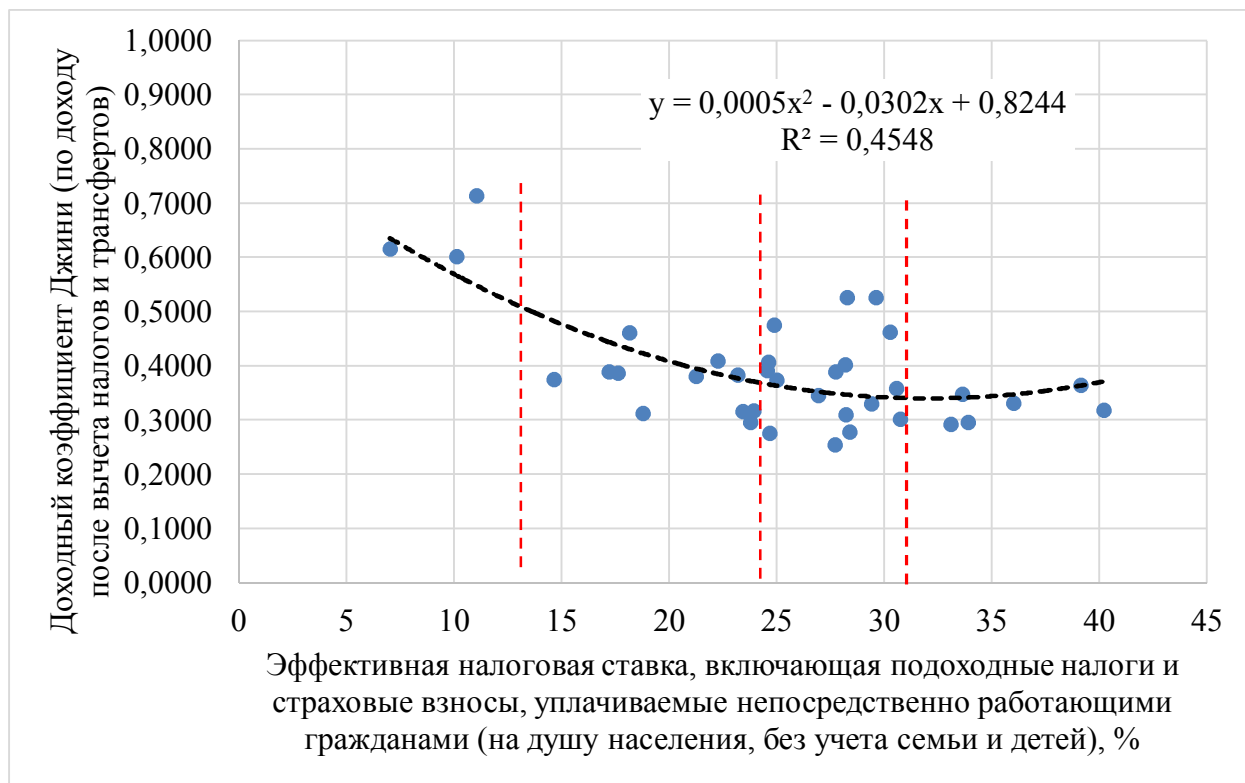

Рис. 1. Зависимость между индивидуальной эффективной ставкой фискальной нагрузки (подоходные налоги и страховые взносы работников) и посленалоговым индексом Джини¹

¹ По данным стран ОЭСР, России и Китая. В расчете использовались средние показатели за период 2016–2022 гг.

Посленалоговый индекс Джини сильно коррелирует с его доналоговым значением, что отражает прямое влияние первичного уровня доходного неравенства на уровень конечного доходного неравенства. Эта связь также обусловлена страновыми экономическими и институциональными факторами, такими как доступ к социальным благам и лифтам, возможностями самообеспечения в случае реализации социальных рисков и др. (рис. 2).

Регрессионный анализ показывает высокий коэффициент детерминации, а посленалоговый Джини в среднем на 0,15 единицы ниже доналогового, что соответствует общемировым тенденциям. Для значительного сокращения СЭН в странах с высоким уровнем первичного доходного неравенства недостаточно только перераспределительных мер через налоги и социальные трансферты. Большого эффекта можно добиться, проводя

качественные структурные реформы в экономике [15].

Эффективность финансового перераспределения, измеряемая как абсолютное сокращение индекса Джини (от доналогового к посленалоговому), слабо связана с уровнем первичного неравенства (рис. 3).

С ростом уровня доналогового Джини процент сокращения посленалогового доходного неравенства становится ниже. Соответственно, результативность мер государственного финансового регулирования бедности и неравенства в странах с высоким первичным неравенством в распределении доходов ниже. Кроме того, в странах с низким и средним уровнем первичного неравенства результаты финансового перераспределения доходов существенно различаются, что обусловлено различиями в величине предельных налоговых ставок и объемах ресурсов, направляемых на финансирование социальных трансфертов.

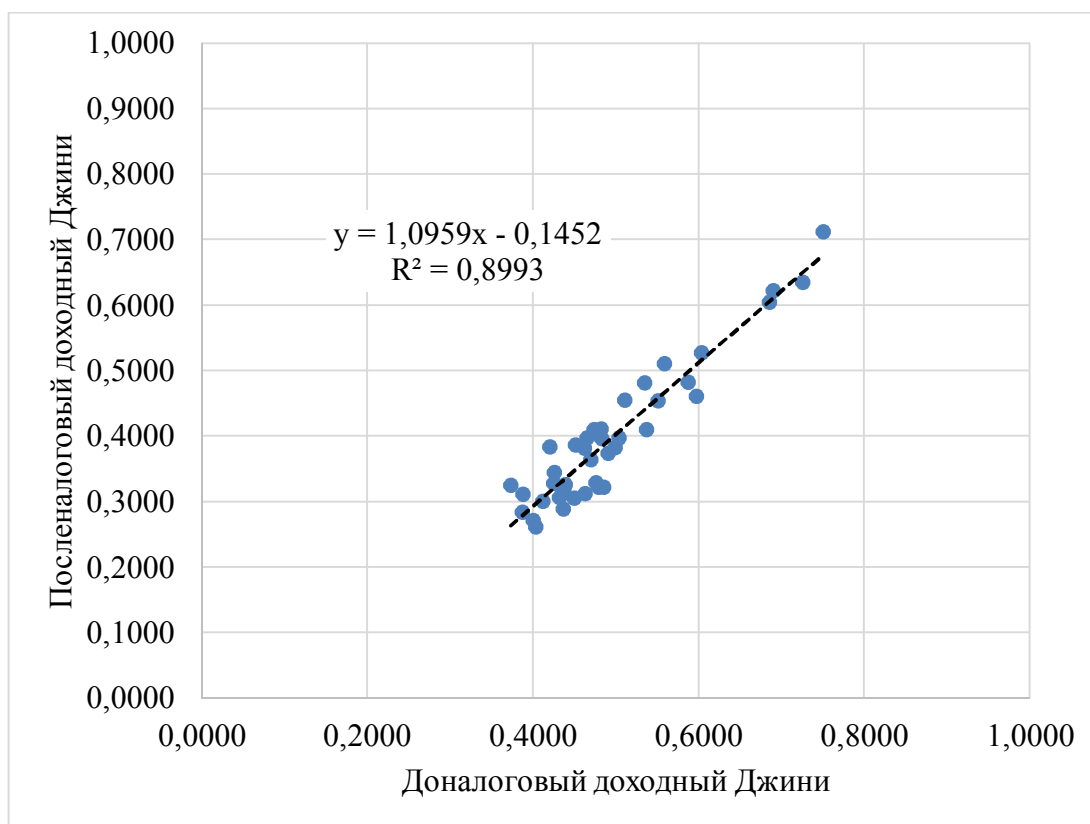

Рис. 2. Зависимость посленалогового уровня Джини от доналогового уровня¹

¹ По данным стран ОЭСР, России и Китая. В расчете использовались средние показатели за период 2016-2022 гг.

Поиск оптимального уровня социально-экономического неравенства как направление комплексной политики преодоления многомерной бедности

Преодоление бедности и регулирование СЭН – взаимосвязанные, но разноаспектные задачи. Политика борьбы с бедностью ориентирована на низкодоходные группы и реализуется через результативную работу системы социальной защиты в совокупности с налоговыми льготами, включая регулирование ставок косвенных налогов на потребление, поскольку налоговое бремя по уплате косвенных налогов в относительном выражении к налоговой базе в большей степени ложится на население с доходами ниже среднего (рис. 4).

Эффективное финансовое регулирование бедности и доходного неравенства можно проводить не только за счет инструментов бюджетных расходов, государственной социальной помощи и

трансфертов населению, но и посредством корректировки долей прямых и косвенных налогов в составе налоговых расходов домохозяйства в зависимости от уровня его благосостояния [7].

Государственное финансовое регулирование неравенства дополняет политику преодоления бедности прогрессивным налогообложением высокодоходных групп, воздействуя на оба хвоста распределения доходов [21]. На рисунках 5 и 6 показаны зависимости между уровнем бедности (50% медианы среднедушевого дохода) и СЭН. Около 40–50% вариации индекса Джини объясняется уровнем бедности, что подтверждает значимость этого фактора в рамках перераспределительной политики. Угол наклона линии тренда для посленалогового Джини (рис. 6) выше, чем для доналогового (рис. 5), что указывает на более выраженный эффект снижения СЭН в странах с низким уровнем бедности.

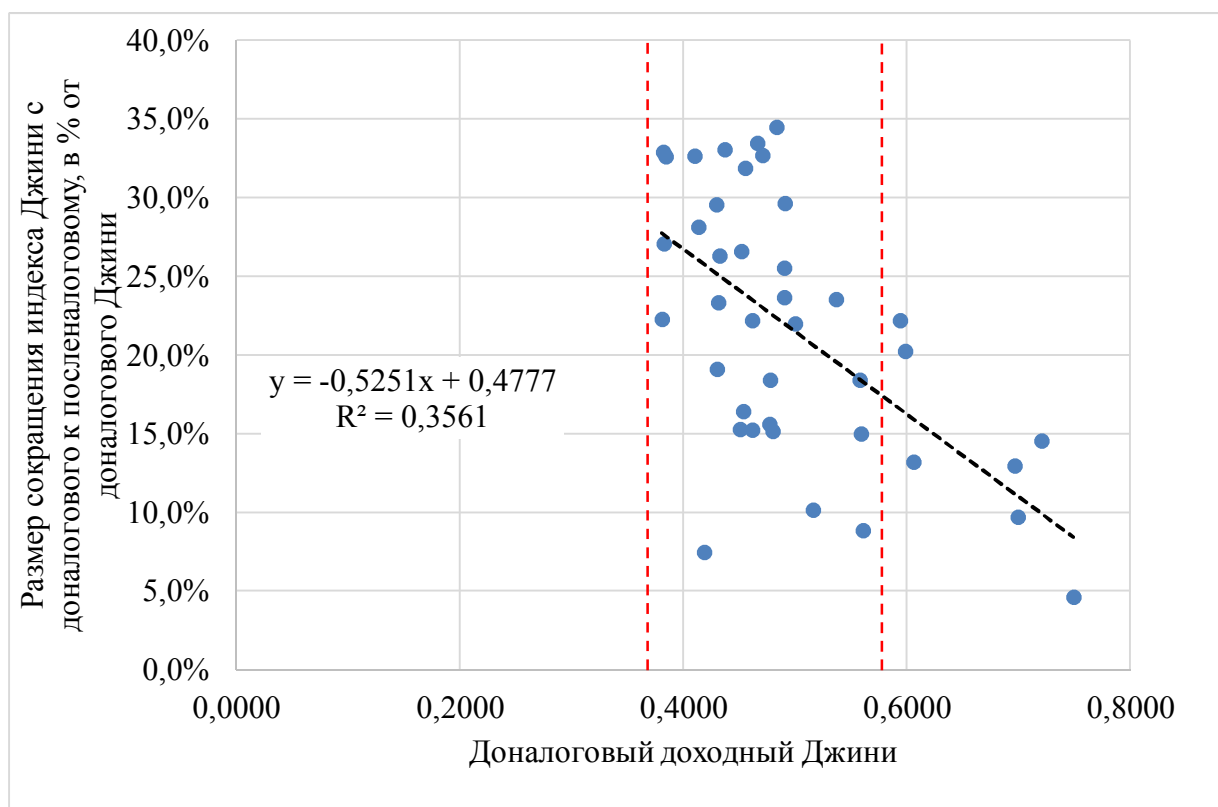

Рис. 3. Зависимость величины сокращения СЭН от уровня первичного неравенства (доналогового коэффициента Джини)¹

¹ По данным стран ОЭСР, России и Китая. В расчете использовались средние показатели за период 2016–2022 гг.

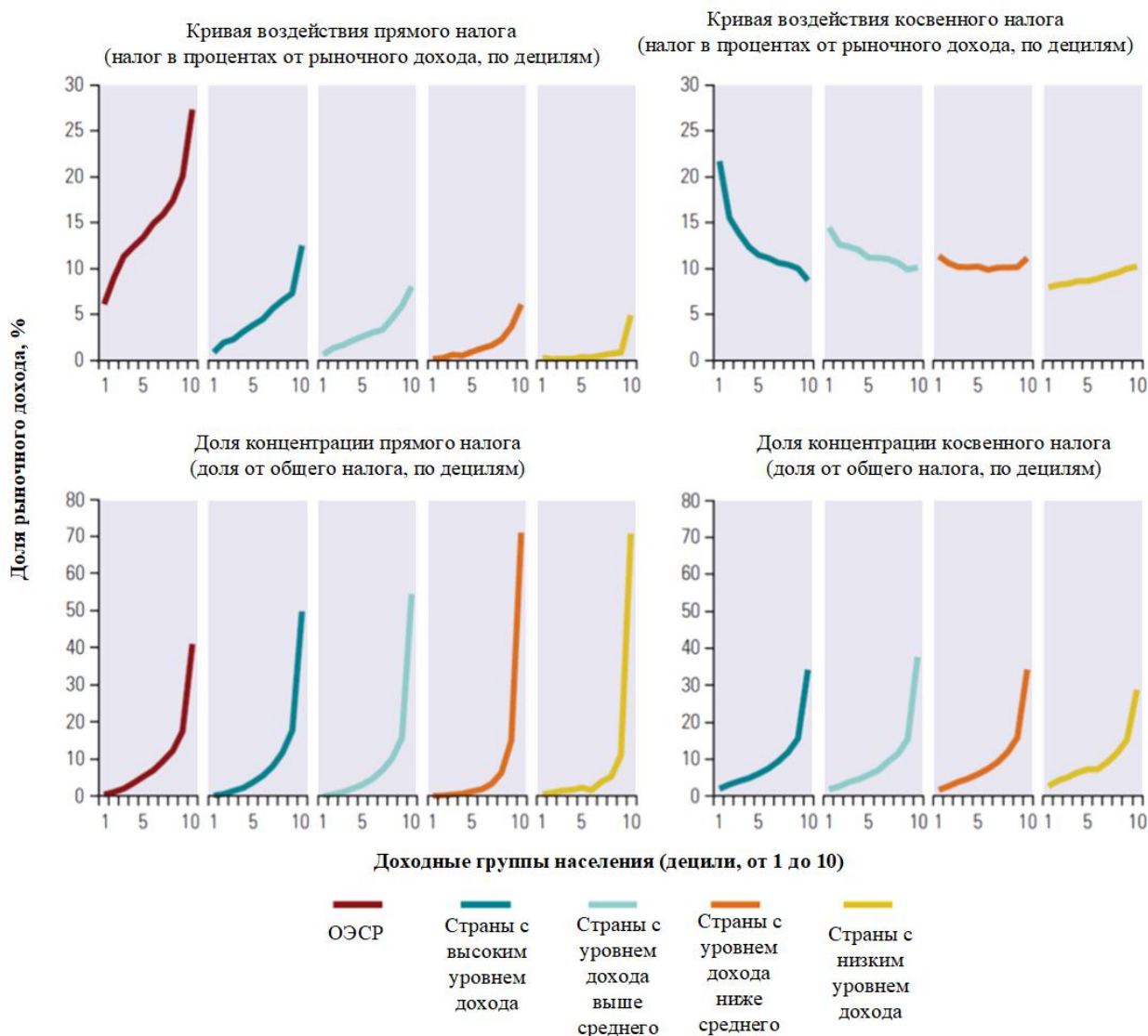

Рис. 4. Оценка фискальных эффектов в разрезе децильных доходных групп населения: прямые и косвенные налоги, различные группировки стран [22]

Анализ данных ОЭСР показывает, что инфляция оказывает прямое влияние на уровень бедности и посленалоговый индекс Джини (рис. 7 и 8), однако коэффициенты детерминации свидетельствуют о слабой объяснительной способности этого фактора.

Теоретически высокий уровень инфляции [23] должен сильнее затрагивать уязвимые слои населения, особенно в странах с высокой долей расходов на продукты питания в потребительской корзине, что приводит к росту бедности и СЭН [24].

Ещё одним важным фактором формирования доходного неравенства считается смежный с ним уровень имуще-

ственного неравенства. Исследования показывают, что уровень имущественного неравенства в предыдущем периоде оказывает статистически значимое влияние на доходное неравенство в текущем периоде [4]. Регрессионный анализ подтверждает, что посленалоговое доходное неравенство ниже в странах с меньшим уровнем имущественного неравенства, что подчеркивает необходимость учёта этого фактора при выборе стран-аналогов и лучших практик (рис. 9 и 10).

Одним из ключевых инструментов в преодолении бедности, безусловно, является система социальной защиты. Однако расходы на социальную политику также

оказывают влияние на уровень социально-экономического неравенства.

Для оценки влияния расходов на социальное обеспечение на уровень СЭН использовались данные ОЭСР и

Всемирной базы о неравенстве WID. Учитывая большое количество пропусков, использовались расчетные 10-летние средние значения показателей (рис. 11 и 12).

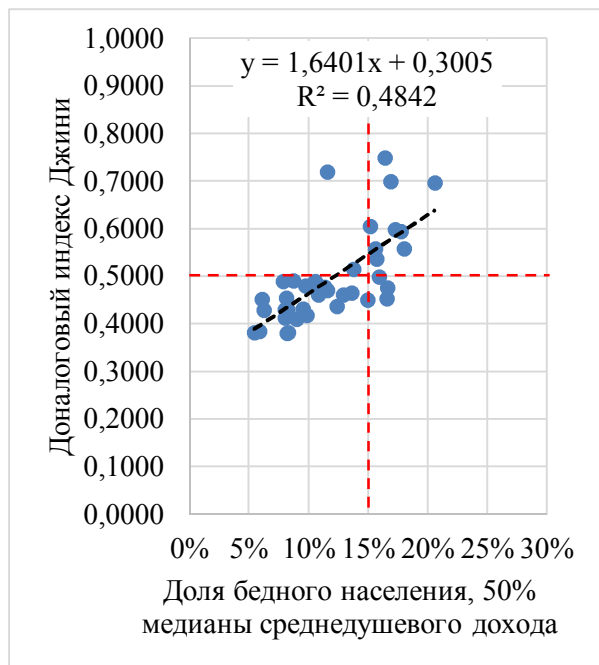

Рис. 5. Зависимость донатогового Джини от уровня бедности¹

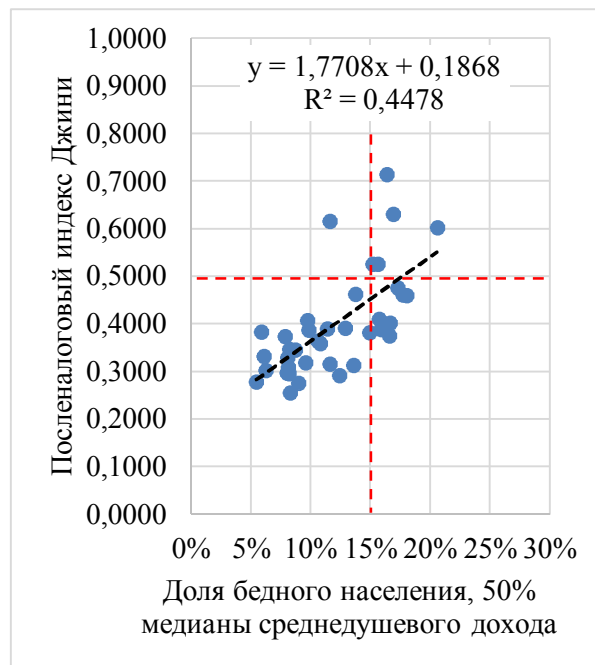

Рис. 6. Зависимость посленалогового Джини от уровня бедности¹

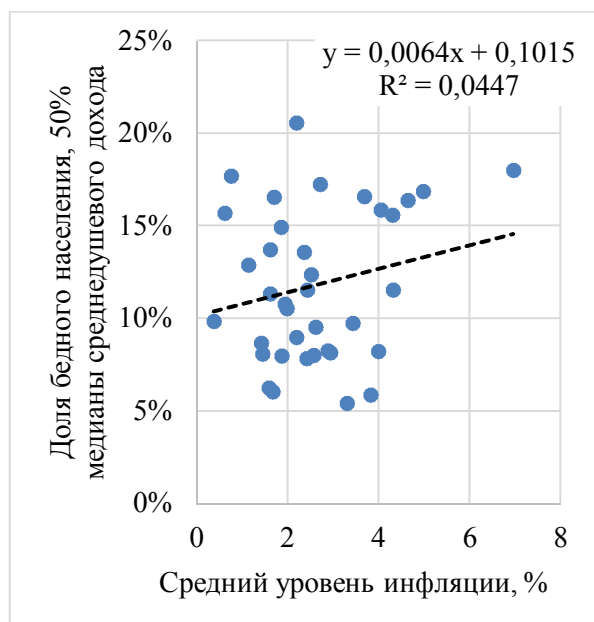

Рис. 7. Зависимость уровня бедности от средней величины инфляции¹

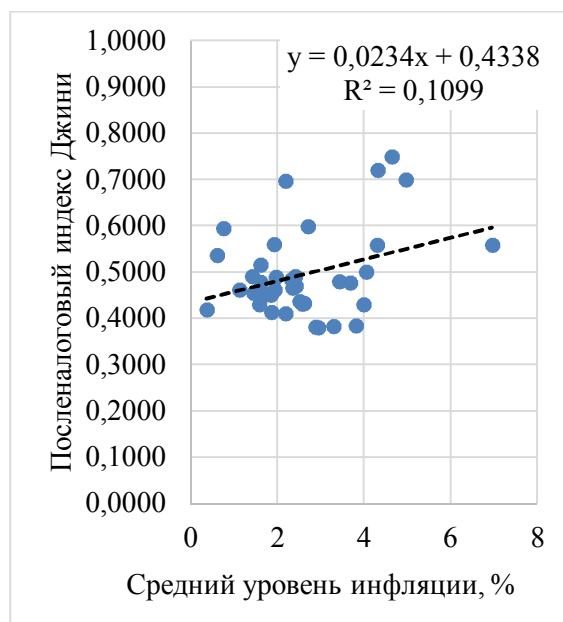

Рис. 8. Зависимость уровня посленалогового доходного Джини от средней величины инфляции¹

¹ По данным стран ОЭСР, России и Китая. В расчете использовались средние показатели за период 2016-2022 гг.

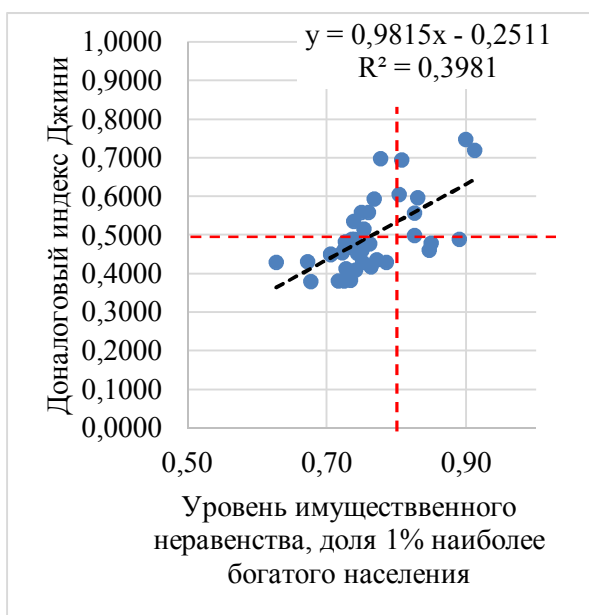

Рис. 9. Зависимость уровня бедности от средней величины инфляции¹

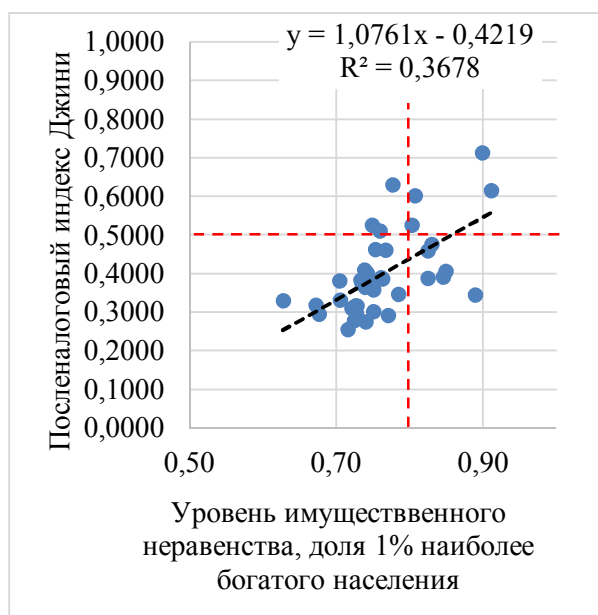

Рис. 10. Зависимость уровня посленалогового доходного Джини от средней величины инфляции¹

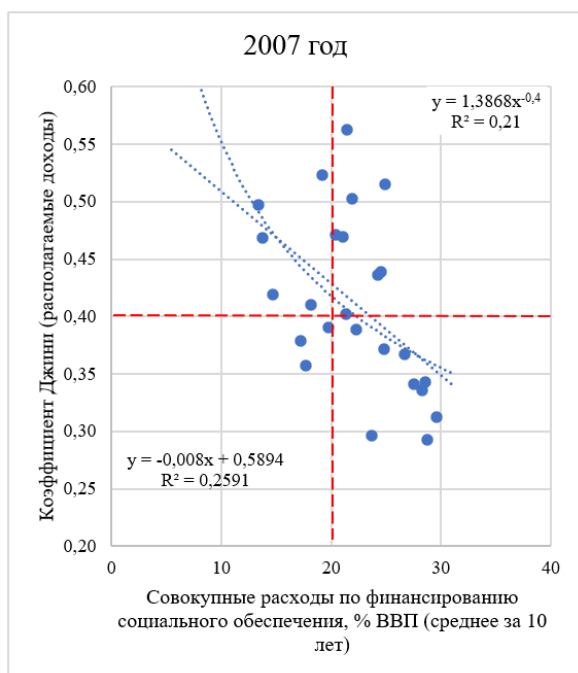

Рис. 11. Зависимость уровня СЭН от уровня финансирования ФИМСО, % ВВП (средние значения за 10 лет с 1998 г. по 2007 г.; по данным стран ОЭСР)

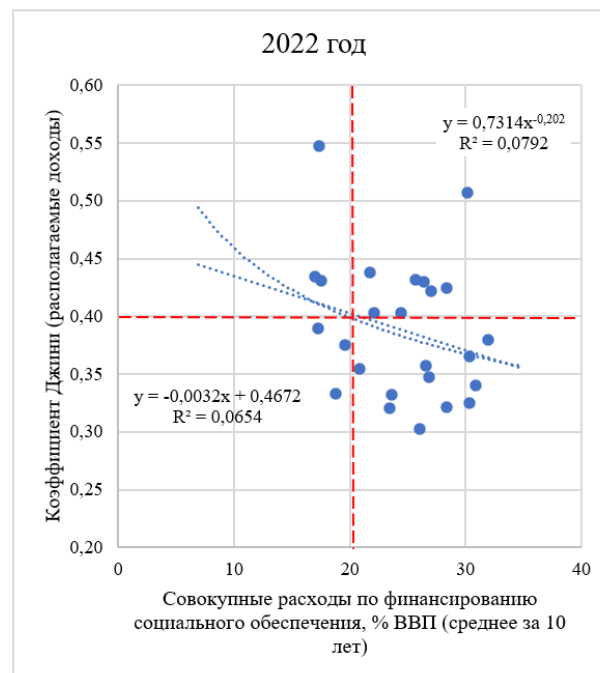

Рис. 12. Зависимость уровня СЭН от уровня финансирования ФИМСО, % ВВП (средние значения за 10 лет с 2011 г. по 2022 г.; по данным стран ОЭСР)

¹ По данным стран ОЭСР, России и Китая. В расчете использовались средние показатели за период 2016-2022 гг.

На графиках (рис. 11 и 12) показаны линейная и степенная линии тренда. 2007 г. показан как база сравнения для 2022 г., т. к. тренды доходного неравенства во многих странах развернулись после кризиса 2008 г., что было связано с изменением парадигмы ГФР экономики и более масштабного применения инструментов прямого финансового стимулирования потребительских расходов из бюджета.

Данные (рис. 11 и 12) указывают на то, что зависимость между уровнем доходного неравенства и объемами финансирования обратная. Чем больше денег тратится на финансирование ФИМСО, тем ниже уровень СЭН. В последние годы эта связь стала менее выраженной, при этом увеличение расходов на финансирование ФИМСО (в % к ВВП) в среднем по-прежнему сокращает уровень доходного неравенства (после налогов и трансфертов) в странах ОЭСР. В странах с низким уровнем СЭН увеличение расходов на финансирование ФИМСО приводит к его сокращению, но эффект оказывается значительно меньше, что снова подчеркивает эффект убывающей предельной эффективности политики государственного финансового регулирования неравенства по мере сокращения его уровня.

Анализ данных показывает, что влияние расходов на финансирование ФИМСО на показатели бедности и СЭН достаточно существенное: чем больше производится адресных выплат населению, тем (при прочих равных условиях) ниже показатели бедности и СЭН. Без соответствующей надстройки для системы социальной защиты в виде прогрессивной модели налогообложения доходов и имущества система социальных трансфертов в большей степени работает как инструмент преодоления бедности.

В контексте национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., закрепленных Указом Президента № 474 от 21 июля 2020 г. (с обновле-

ниями на 2024–2025 гг.), борьба с бедностью и социально-экономическим неравенством напрямую интегрируется в приоритеты сохранения населения, укрепления здоровья, поддержки семьи и создания устойчивой динамичной экономики, где снижение уровня бедности вдвое (до 6,5% к 2030 г.) и рост реальных доходов на 20–30% сочетаются с цифровизацией и инвестициями в человеческий капитал. Эти цели подчеркивают необходимость перераспределительных мер, чтобы преодолеть стагнацию реальных доходов и рост неравенства, наблюдаемый в российской реальности в период 2023–2025 гг. из-за инфляции, санкций и неравномерного восстановления после пандемии.

Учитывая надвигающиеся налоговые реформы 2026 г., включающие возможное повышение основной ставки НДС с 20% до 22% и сокращение порога доходов для упрощенной системы налогообложения (УСН) с 60 млн до 10 млн руб. (с обязательным переходом на НДС при превышении), эти изменения, по оценкам Минфина и экспертов, добавят 1–1,5% ВВП к доходам федерального бюджета, но окажут негативный социально-экономический эффект. Рост ставки НДС как налога на потребление, несмотря на сохранение льготных ставок НДС, приведет к дополнительному росту цен и увеличит налоговое бремя для низко- и среднедоходных групп через канал инфляции, что может привести и к росту уровня бедности и снижению качества жизни (например, для многодетных семей), и к росту уровня неравенства. Поскольку потенциальные доходы бюджета от налоговой реформы планируется направить на оборону, система социальной защиты в структуре финансирования бюджетных расходов в очередном бюджетном цикле снова окажется недофинансированной и потребует догоняющего финансирования ближе к 2028–2030 гг. Проблему осложняет то, что политика Банка России будет более жесткой для

противодействия проинфляционному влиянию от повышения НДС, что еще больше осложнит переходный период для сектора МСП, который подпадает под надвигающиеся перемены.

К основным направлениям преодоления негативных эффектов от предстоящих изменений в налоговой системе можно отнести следующее: проактивное адресное бюджетное стимулирование; проведение дальнейших реформ по цифровизации системы государственного управления и эффективности управления государственными финансами; развитие концепции регулирования имущественного неравенства на основе прогрессивных налогов как дополнительного источника социальных программ; развитие институциональной среды, снижение барьеров для предпринимательства; развитие рынка капиталов и др.

Выводы

Проведенное исследование позволило систематизировать и сопоставить современные подходы к изучению взаимосвязей между бедностью, социально-экономическим неравенством и экономическим ростом, а также оценить эффективность различных инструментов фискальной политики. На основании анализа данных Всемирного банка, ОЭСР, базы WID, Росстата и Национального бюро статистики Китая получены следующие результаты.

Подтверждено наличие тесной взаимосвязи между динамикой социально-экономического неравенства и устойчивостью экономического развития. Высокий уровень концентрации доходов в верхних децилях распределения негативно влияет на потребительский спрос, ограничивает инвестиционную активность и усиливает социальную напряженность, что в долгосрочной перспективе сдерживает экономический рост. При этом сокращение бедности не всегда сопровождается снижением неравенства: в ряде стран отмечается рост доходов ниж-

них слоёв населения, однако одновременно усиливается разрыв с наиболее обеспеченными группами.

Сравнительный анализ показал различия в результативности фискальных мер в странах с разным уровнем экономического развития и качеством институтов. В странах ОЭСР перераспределительные механизмы (прогрессивное налогообложение, система социальных трансфертов, доступность базовых услуг) оказывают значимый и устойчивый эффект на снижение бедности и неравенства. В России отмечается положительное влияние адресных мер социальной поддержки, однако их эффективность ограничена слабой адресностью и недостаточной координацией с налогово-бюджетной политикой.

Выявлены институциональные факторы, определяющие эффективность фискальной политики в сфере борьбы с бедностью и социальным неравенством. К ним относятся: уровень прозрачности распределения ресурсов, степень развития налоговой системы, эффективность механизмов адресности, а также ориентация государственных расходов на формирование человеческого капитала (образование, здравоохранение, поддержка занятости).

Количественный анализ подтвердил, что увеличение государственных расходов на социальную сферу приводит к сокращению показателей бедности, однако его воздействие на неравенство более вариативно и зависит от структуры расходов и качества их реализации. Простое наращивание социальных трансфертов без учёта институциональной среды не обеспечивает долгосрочного снижения социального разрыва, а в ряде случаев может даже усиливать зависимость малообеспеченных групп от государственной поддержки.

Ключевыми направлениями совершенствования политики в области преодоления бедности и СЭН России являются повышение адресности и эффектив-

ности социальных выплат; развитие прогрессивных элементов налоговой системы, особенно в части имущественного налогообложения, при сохранении стимулов к инвестиционной активности;

развитие институциональной среды и усиление инвестиций в человеческий капитал как долгосрочный фактор снижения бедности и социально-экономического неравенства.

Список литературы

1. Макашина О. В., Красникова Н. С. Методологические подходы к финансированию государственных расходов на социальную защиту населения // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 4 (50). С. 33–41. <https://doi.org/10.6060/ivecofin.2021504.565>
2. Frumina S., Yakushova E., Azimzadeh A. Impact of COVID-19 Pandemic on Insurance Demand in Russia: A Comparative Analysis with Global Markets // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2024. N 19(9). P. 3289–3298. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.190902>
3. Фрумина С. В. Направления расширения фискального пространства: современные реалии // Банковские услуги. 2024. № 8. С. 2–9.
4. Дорофеев М. Л. Фискальные мультипликаторы и уровень доходного неравенства (на примере стран ОЭСР, России и Китая) // Вопросы экономики. 2024. № 4. С. 111–126. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-4-111-126>
5. World Social Protection Report 2017–19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: International Labour Organization, 2017. 456 p.
6. Granger H., Abramovsky L., Puduserry J. Fiscal policy and income inequality: The role of taxes and social spending. London: Overseas Development Institute, 2022. 48 p.
7. Abramovsky L., Granger H., Puduserry J. Fiscal policy and income inequality: the role of taxes and social spending. London: ODI, 2022. Available at: <https://ifs.org.uk/publications/fiscal-policy-and-income-inequality-role-taxes-and-social-spending> (accessed 14.09.2025).
8. Marisa Bucheli Gabriel Lara Ibarra Diego Tuzman. Assessing the Effects of Fiscal Policies on Poverty and Inequality: The Case of Uruguay // World Bank Policy Research Working Paper. 2020. N 9499. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34982> (дата обращения: 02.09.2025).
9. Rossignolo D. The impact of taxes and expenditures on poverty and income distribution in Argentina // CEQ Working Paper. 2016. N 45. URL: http://www.commitmentoequity.org/wp-content/uploads/2017/05/CEQ_WP45_Rossignolo_May17_2017.pdf (дата обращения: 02.09.2025).
10. Jalles J. T., Tovar J. Income inequality and the tax structure: Evidence from developed and developing countries // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43, N 1. P. 138–154. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.05.006>
11. Pacheco-Jaramillo W. A., Malliaros P. Contrafactual analysis: Comparing voucher systems with taxes, subsidies, and public spending to reduce income inequality // F1000Research. 2025. Vol. 14. P. 439. <https://doi.org/10.12688/f1000research.14439.1>
12. Adu D. T., Odhiambo N. M. Dynamic effect of fiscal policy on wealth inequality: Evidence from middle-income countries // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10, N 1. P. 2119705. <https://doi.org/10.1080/23322039.2022.2119705>
13. Kim D. The associations between US state and local social spending, income inequality, and individual all-cause and cause-specific mortality: The National Longitudinal Mortality Study // PLoS ONE. 2015. Vol. 10, N 12. P. e0145437. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0145437>
14. Ulu M. I. The effect of government social spending on income inequality in OECD: A panel data analysis // MPRA Paper. 2018. N 91104. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/91104/> (дата обращения: 02.09.2025).
15. Musibau H. O., Zakari A., Zeraibi A. Exploring the fiscal policy – income inequality relationship with Bayesian model averaging analysis // Economic Change and Restructuring. 2024. Vol. 57, N 2. P. 1–25. <https://doi.org/10.1007/s10644-024-09577-1>

16. Anjarwi A. W. Tax burden and poverty in lower-middle-income countries: The moderating role of fiscal freedom // *Development Studies Research*. 2025. Vol. 12, is. 1. P. 2466511. <https://doi.org/10.1080/21665095.2025.2466511>
17. OECD Income Distribution Database. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2023. URL: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (дата обращения: 02.09.2025).
18. Social Expenditure Database (SOCX) // OECD. 2024. URL: <https://www.oecd.org/en/datasets/social-expenditure-database-socx.html> (дата обращения: 02.09.2025).
19. World Development Indicators (WDI) // World Bank. 2024. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 02.09.2025).
20. World Inequality Database (WID) // World Inequality Lab. 2024. URL: <https://wid.world/> (дата обращения: 02.09.2025).
21. Atkinson A. B. *Measuring Poverty around the World*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 392 p.
22. *Poverty and Shared Prosperity 2022: Correcting Course*. Washington: World Bank, 2022. 288 p.
23. Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 320 p.
24. Ravallion M. *The Economics of Poverty: History, Measurement, and Policy*. New York: Oxford University Press, 2016. 416 p.

References

1. Makashina O.V., Krasnikova N.S. Methodological approaches to financing government expenditures on social protection of the population. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management*. 2021;(4):33-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.6060/ivecofin.2021504.565>
2. Frumina S., Yakushova E., Azimzadeh A. Impact of COVID-19 Pandemic on Insurance Demand in Russia: A Comparative Analysis with Global Markets. *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 2024;(19):3289–3298. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.190902>
3. Frumina S.V. Directions of expansion of fiscal space: modern realities. *Bankovskie usluga = Banking Services*. 2024;(8):2-9. (In Russ.)
4. Dorofeev M.L. Fiscal multipliers and the level of income inequality (on the example of OECD countries, Russia and China). *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2024;(4):111-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-4-111-126>
5. World Social Protection Report 2017–19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: International Labour Organization; 2017. 456 p.
6. Granger H., Abramovsky L., Pudussery J. Fiscal policy and income inequality: The role of taxes and social spending. London: Overseas Development Institute; 2022. 48 p.
7. Abramovsky L., Granger H., Pudussery J. Fiscal policy and income inequality: the role of taxes and social spending. London: ODI; 2022. Available at: <https://ifs.org.uk/publications/fiscal-policy-and-income-inequality-role-taxes-and-social-spending> (accessed 14.09.2025).
8. Marisa Bucheli Gabriel Lara Ibarra Diego Tuzman. Assessing the Effects of Fiscal Policies on Poverty and Inequality: The Case of Uruguay. *World Bank Policy Research Working Paper*. 2020;(9499). Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34982> (accessed 02.09.2025).
9. Rossignolo D. The impact of taxes and expenditures on poverty and income distribution in Argentina. *CEQ Working Paper*. 2016;(45). Available at: http://www.commitmentoequity.org/wp-content/uploads/2017/05/CEQ_WP45_Rossignolo_May17_2017.pdf (accessed 02.09.2025).
10. Jalles J. T., Tovar J. Income inequality and the tax structure: Evidence from developed and developing countries. *Journal of Comparative Economics*. 2015;43(1):138–154. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.05.006>

11. Pacheco-Jaramillo W.A., Malliaros P. Contrafactual analysis: Comparing voucher systems with taxes, subsidies, and public spending to reduce income inequality. *F1000Research*. 2025;14:439. <https://doi.org/10.12688/f1000research.14439.1>
12. Adu D.T., Odhiambo N.M. Dynamic effect of fiscal policy on wealth inequality: Evidence from middle-income countries. *Cogent Economics & Finance*. 2022;10(1):2119705. <https://doi.org/10.1080/23322039.2022.2119705>
13. Kim D. The associations between US state and local social spending, income inequality, and individual all-cause and cause-specific mortality: The National Longitudinal Mortality Study. *PLoS ONE*. 2015;10(12):e0145437. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0145437>
14. Ulu M. I. The effect of government social spending on income inequality in OECD: A panel data analysis. *MPRA Paper*. 2018;(91104). Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/91104/> (accessed 02.09.2025).
15. Musibau H. O., Zakari A., Zeraibi A. Exploring the fiscal policy – income inequality relationship with Bayesian model averaging analysis. *Economic Change and Restructuring*. 2024;57(2):1–25. <https://doi.org/10.1007/s10644-024-09577-1>
16. Anjarwi A. W. Tax burden and poverty in lower-middle-income countries: The moderating role of fiscal freedom. *Development Studies Research*. 2025;12(1):2466511. <https://doi.org/10.1080/21665095.2025.2466511>
17. OECD Income Distribution Database. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2023. Available at: <https://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm> (accessed 02.09.2025).
18. Social Expenditure Database (SOCX). OECD. 2024. Available at: <https://www.oecd.org/en/datasets/social-expenditure-database-socx.html> (accessed 02.09.2025).
19. World Development Indicators (WDI). World Bank. 2024. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 02.09.2025).
20. World Inequality Database (WID). World Inequality Lab. 2024. Available at: <https://wid.world/> (accessed 02.09.2025).
21. Atkinson A. B. Measuring Poverty around the World. Princeton: Princeton University Press; 2019. 392 p.
22. Poverty and Shared Prosperity 2022: Correcting Course. Washington: World Bank; 2022. 288 p.
23. Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Cambridge: Harvard University Press; 2016. 320 p.
24. Ravallion M. The Economics of Poverty: History, Measurement, and Policy. New York: Oxford University Press; 2016. 416 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Дорофеев Михаил Львович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: dorofeevml@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2829-9900

Mikhail L. Dorofeev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: dorofeevml@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2829-9900